

А.С. Панкратов

Ищущие Бога

Книга 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

А11 **А.С. Панкратов**
Ищущие Бога: Книга 2 / А.С. Панкратов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 196 с.

ISBN 978-5-458-56060-3

ISBN 978-5-458-56060-3

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

*Посвящаю
дорогой памяти моего отца.*

Безсмертный.

I.

«Большіе ряды» были залиты солнечнымъ свѣтомъ, заласканы тепломъ. Угрюмые дома хотѣли было задержать своимъ мертвымъ видомъ свѣжее дыханіе оживающей природы. Но не могли. Оно проникло даже въ грудь безжизненного, умирающаго Ивана Ивановича Морозова.

Остро чувствовалъ Морозовъ весну. Онъ ощущалъ ее всѣмъ своимъ больнымъ, надорваннымъ сердцемъ, остаткомъ страсти разбитой груди, въ которой догорала жизнь. Но не одно солнце и свѣжесть поднимали его духъ. Что солнце? Онъ зналъ его давно, каждую весну чувствовалъ, какъ оно сначала зажигаетъ въ немъ кровь, а потомъ обезсиливаетъ и душитъ. Онъ привыкъ къ его обману. Но нынѣшняя весна дала ему ощущение безконечнаго счастья, безумной радости. Онъ никогда не былъ такъ здоровъ душой.

Правда, онъ надорванно кашляетъ; кашляетъ такъ, что прохожіе останавливаются и испуганно бѣгутъ отъ него. Въ груди его цѣлая симфонія звуковъ смерти... Но безкровныя, синеватыя губы все же складываются въ горделивую, торжествующую улыбку и шепчуть:

— Вотъ они проходятъ мимо меня и не знаютъ ничего. И мнѣ ихъ безконечно жаль, этихъ здоровыхъ, но слѣпыхъ

*) Въ Москвѣ есть небольшая группа такъ называемыхъ «безсмертниковъ»,—сектантовъ, вѣрующихъ въ безсмертіе своего тѣла. Ихъ родоначальникъ—мелкій комиссіонеръ И. И. Морозовъ.

кратовъ! Цѣлая вереница, толпа, все человѣчество... идутъ и не замѣчаютъ, что около нихъ стоитъ человѣкъ, который никогда, никогда не умретъ, ибо вѣруетъ...

Онъ по старой привычкѣ стоитъ сейчасъ около «фонтана слезъ», но никакой комиссіи не ждетъ и даже не думаетъ о деньгахъ, имѣніяхъ, домахъ, покупателяхъ и продавцахъ... Что ему дома и деньги, когда въ его душѣ горитъ безцѣнный брильянтъ?

Временами, движимый неотступной мыслью, онъ срывается съ мѣста, и возбужденный ходитъ по «рядамъ». Но ни людей онъ не замѣчаетъ, ни стѣнъ. Зачѣмъ ему все это, когда внутри его алымъ цвѣткомъ расцвѣла воскресшая жизнь и возродились всѣ радости и надежды человѣческія...

II.

Лѣтъ двадцать видѣли около фонтана маленькую, невзрачную фигурку Морозова всегда въ темномъ, поношенномъ пальто, тепломъ шарфѣ и картузѣ. Онъ или медленно, согнувшись, двигался взадъ и впередъ, или стоялъ, какъ изваяніе, засунувъ руки въ карманы. Всегда въ его глазахъ отражалась какая-то затаенная мысль. Казалось, что только тѣло его присутствуетъ въ этой тѣснотѣ жизни, а душа летаетъ гдѣ-то въ свободномъ пространствѣ...

Какъ ни тускла была дѣйствительная жизнь Морозова, въ головѣ его всегда носились грандіозные планы. Сначала онъ хотѣлъ мстить. Былъ онъ когда-то богатъ. На Балчугѣ былъ у него колониальный магазинъ въ два раствора. Но, какъ водится, его подвели. И не кто-нибудь, а своя же жена съ приказчикомъ. Разорился Морозовъ и пришелъ къ фонтану.

— Но я еще покажу себя,—говорилъ онъ своему пріятелю Сычугову.— Они думаютъ, что покончили со мной! Нѣтъ!

Онъ уже потерялъ слѣды своей жены, не зналъ, живы ли даже она и приказчикъ, но мечталъ, какъ онъ придетъ къ нимъ съ туго набитымъ бумажникомъ и скажетъ:

«А, здѣсь вы, голубчики?!» Онъ не представлялъ, что онъ имъ сдѣлаетъ, но рисовалъ картину, какъ они испугаются, будутъ умолять, а онъ останется непреклоненъ. О, онъ сумѣетъ отомстить! Радость переживалъ онъ при одной мысли объ этомъ торжествѣ.

— Накрою ихъ, голубчиковъ! Вотъ только одно дѣло обмозгую и получу куртажъ.

Онъ искренно вѣрилъ, что дѣло это существуетъ. А между тѣмъ, «дѣла» не было. Были фантазіи и безпросвѣтная нужда, которая загнала Морозова въ уголъ подвала и заставляла часто голодать.

Уже долгіе годы стоялъ Морозовъ у фонтана. Отъ муки вѣчнаго напряженія мозга, постояннаго пребыванія въ области фантазіи, онъ временами совершенно терялъ изъ-подъ ногъ дѣйствительную жизнь. Всегда тихій, задумчивый, онъ срывался иногда безпричинно съ мѣста и начиналъ метаться по «рядамъ». Находилъ такого же, какъ онъ самъ, горемыку, отводилъ его въ сторону и говорилъ:

— У меня есть тамбовскій помѣщикъ, ищетъ домъ.

— А у меня есть продавецъ,—отвѣчалъ тотъ.—Только домъ миллионный.

— Такой и надо.

Доставали гривенникъ и шли въ «Гусевскую дыру».

— Надо поговорить, дѣло вѣрное...

Занимали кабинетъ. Осматривались,—не подслушиваетъ ли кто? Много, вѣдь, желающихъ разбогатѣть. И хотя ясно, что никто не подслушивалъ, они все-таки, наклонялись другъ къ другу и начинали шептаться. Говорили, говорили... Но иногда, взглянувъ пристально другъ-другу въ глаза, вдругъ останавливались...

— Врешь, вѣдь?—читали они другъ у друга въ глазахъ.

Но обманъ такъ хорошъ, мечта такъ сладка, что они продолжали говорить. Расходились поздно, съ дѣловымъ видомъ, «до завтра».

А утромъ стояли на своихъ мѣстахъ у фонтана, тихіе, угрюмые, какъ съ похмелья. Другъ на друга не смотрѣли. И молчали долго,—до новой вспышки фантазіи.

III.

Лѣтъ пять, какъ Морозовъ заболѣлъ. Жизнь впроголодь сдѣлала свое разрушительное дѣло. Всѣ знали, что кромѣ больного сердца, Морозовъ страдаетъ еще и чахоткой, что жить ему осталось мало. Онъ таялъ на глазахъ у всѣхъ.

Зналъ объ этомъ Сычуговъ, единственный человѣкъ, предъ которымъ раскрывалась больная душа Морозова. Зналъ и относился къ нему бережно. Вмѣстѣ пріятели интересовались религіозными вопросами. Морозовъ, въ предчувствіи скорого, страшнаго конца съ жадностью впитывалъ въ себя мягкое, умиленное религіозное настроеніе. У него уже опредѣленно, во весь свой гигантскій ростъ, всталъ вопросъ о смыслѣ жизни. И часто, когда пріятели сидѣли въ своей любимой чайной на Маросейкѣ, Морозовъ изливалъ Сычугову горечь своихъ прежнихъ заблужденій и страстей.

— Дѣло наше купеческое,—проклятое дѣло...

Онъ до сихъ поръ еще не могъ привыкнуть къ мысли, что онъ давно уже не «купецъ».

— Намъ всѣ завидуютъ, говорятъ, богачи. А мы хуже нищихъ. Ей-Богу, хуже. Я стою вотъ у фонтана и вижу иногда, какъ пройдетъ купецъ къ себѣ въ магазинъ и вниманія на тебя не оборотить. А вѣдь, знакомы были, у Макарія встрѣчались. Да я не къ тому... Вижу я его и думаю: знаю я тебя, голубчикъ, на душѣ твоей камень, хоть ты и смотришь весело... Какой ты богачъ? Иной всю жизнь, людей обманываетъ, грѣха на душу наберетъ столько, что больше некуда. А для чего? Новый домъ построить. Ну, построилъ; кажись, можно бы успокоиться. Нѣтъ, продолжаетъ обманывать — нужно другой домъ строить. Ни радости, ни ласки, ни покоя мы не видимъ. Цѣлый вѣкъ мечемся, а для чего—сами не знаемъ. Родятся, растутъ дѣти,—мы не видимъ... Ангелокъ радость свою показываетъ, улыбается свѣту, а намъ некогда посмотреть, нужно ѣхать по дѣлу. Проживемъ въ такой бѣлой го-

рячкѣ жизнь и какъ станемъ подводить балансы, анъ и не знаемъ—зачѣмъ жили? Неужели затѣмъ, чтобы дома строить? Да пропади они пропадомъ. Я стою вотъ у фонтана, думаю и хочется мнѣ иногда влѣзть на Ивана Великаго, ударить въ Царь-Колоколь, выстрѣлить въ Царь-Пушку, чтобы земля задрожала и совѣсть людская проснулась. Хочется крикнуть съ Ивана Великаго всей торговой Москвѣ: «остановитесь! Христомъ Богомъ молю, остановитесь, пока еще не поздно. Бросьте наживу, посмотрите въ душу, чѣмъ живетъ она. Верните къ себѣ радость простой Божьей жизни. Не гонитесь за грошами, вы упускаете «тысячи»... Но знаю, что никто меня не послушаетъ... Скажутъ: когда былъ богатъ, такъ не разсуждалъ, а гольтепѣ мало ли что въ голову придетъ..

— А ты, дѣйствительно, когда былъ богатъ, такъ не думалъ?—спрашивалъ Сычуговъ.

— Не думалъ. Некогда было думать. Вставалъ въ шесть часовъ утра и до поздней ночи бѣгалъ, колотился, вносилъ деньги въ банкъ, бралъ изъ банка, учитывалъ векселя, думалъ, гдѣ бы занять денегъ. Когда же тутъ думать о другомъ?

— Съ какой же минуты ты сталъ думать иначе?

— Какъ сталъ нищимъ. Я какъ-будто проснулся, а вокругъ меня черепки отъ моей прежней жизни. Весь въ нутро ушелъ я и чувствую, что какъ-будто только начинаю жить: во все всматриваюсь, все оцѣниваю... И жить стало любопытно. И все меньше и меньше требую отъ жизни благъ. И спокойнѣе у меня становится на сердцѣ, какъ-будто я великую схиму принялъ...

На лицѣ его игралъ румянецъ смерти. И Сычугову тяжело было слушать эти «позднія» мысли...

А Морозовъ приходилъ домой, и передъ нимъ, въ его мрачномъ углу, вставалъ ужасный кошмаръ скорого конца. Онъ зналъ о своей болѣзни, и хотя принималъ всевозможные пилюли и порошки, совѣтовался съ докторами, но на выздоровленіе потерялъ всякую надежду. Каждой весной онъ болѣзненно-чутко прислушивался къ неров-

му біенію своего сердца и спрашивалъ роковое будущее:
— Когда? Неужели нынѣ?

Слабый, разбитый, раздавленный страшной неизбѣжностью, голосъ его внезапно обрывался, и грудь наполнялась рыданьями. Онъ готовъ былъ на колѣняхъ умолять кого-то о пощадѣ, звать на помощь.

— Господи,—молился онъ у себя за занавѣской,—пронеси мимо меня чашу сію! Еще хоть годъ, одинъ только годъ!

Онъ много думалъ о жизни и смерти. Читалъ. Бесѣдовалъ. Временами онъ чувствовалъ, что это притупляло остроту приближающагося, разрушало въ немъ страхъ смерти. Книги и люди ему уясняли смыслъ существованія и давали какъ-будто разумныя основанія смерти. Онъ стихалъ и забывался. Но потомъ налеталъ шкваль, и тонкую пленку книжной философіи разрывалъ на части дикій, стихійный протестъ противъ всякаго «смысла» и всѣхъ «основаній». Протестъ во имя жизни, солнца, голубого неба, весны...

Въ такія минуты сердце Морозова судорожно трепетало, и все маленькое, щуплое тѣльце его извивалось или въ безсильныхъ рыданьяхъ и мольбѣ о пощадѣ, или въ страшномъ, циническомъ проклятіи небу...

Такъ ждалъ онъ смерти. И чувствовалъ, что она подходитъ къ нему все ближе и ближе... Иногда ночью онъ просыпался отъ душившаго его кашля и съ ужасомъ замѣчалъ, какъ вздрагивала пестрая занавѣска его постели.

— О н а...—шептали его губы.

Онъ зналъ, что эта «она» подходитъ къ его изголовью,—страшная, желтая, съ косою...

IV.

И вдругъ—воскресенье! Въ ту минуту, когда все уже рушилось, не было никакой надежды, съ неба неожиданно слетѣлъ тихій ангелъ и передалъ Морозову слова Великаго Учителя:

— Встань, возьми одръ свой и иди!

Однажды его ухо поймало текстъ священнаго писанія Онъ не помнилъ гдѣ: въ церкви, въ моленной сектантовъ. или...

— Или, можетъ-быть, Господь вложилъ мнѣ свое божественное слово Духомъ Святымъ, чтобы я проповѣдовалъ истину?—говорилъ онъ.

Текстъ этотъ механически прилипъ къ сознанию Морозова, какъ пылинка къ подошвѣ. Онъ долго равнодушно повторялъ его. Потомъ, стоя у фонтана, началъ вдумываться въ смыслъ его, и тогда его страдающее, худое лицо вдругъ выдавливало изъ себя горькую отравленную улыбку.

«Всякій живущій, вѣрующій въ Меня, не умретъ. Вѣришь ли этому?»

— Не вѣрю,—зло отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ.

Какъ онъ можетъ вѣрить, когда каждый день изъ его тѣла уходитъ кусками жизнь? Когда догораетъ фитиль и лампадка вотъ-вотъ померкнетъ? Это не сосѣдь умираетъ, а онъ. Это у него лихорадочные глаза, высокая температура, липкій потъ, удушливый кашель и эти зловѣщія кровавыя пятна на платкахъ... О, какой грубой, жестокой насмѣшкой, оскорбленіемъ звучатъ эти спокойно-холодные слова писанія: «Вѣрующій въ меня не умретъ!..» Это не евангельская любовь, а мучительная казнь.

— Но, можетъ-быть, я просто не вѣрю или мало вѣрю? Вѣдь, только вѣрующій не умретъ.

Но до него жили на землѣ миллиарды людей. И всѣ они умерли. Неужели никто изъ нихъ не вѣрилъ настолько, чтобы жить вѣчно? Были, вѣдь, святые, но и они умирали. Почему же онъ, комиссіонеръ Иванъ Морозовъ, останется жить вѣчно? Почему?

Онъ желчно смѣялся. Но въ то же время чувствовалъ, какъ какая-то нечеловѣческая сила приковала его къ этой мысли навѣкъ. Его обычно робкая, трепещущая душа подъ чьимъ-то сильнымъ вліяніемъ грозно, настойчиво потребовала этой вѣры.

— Вѣрь! Вѣрь! Вѣрь! — кто-то шепталъ ему въ уши.

Этотъ «кто-то» указывалъ ему на солнце, на міръ, захлебывающійся отъ радости жизни, и говорилъ.

— Ты повѣришь! Ты долженъ повѣрить!

Никто изъ обитателей подвала не зналъ, что происходитъ за занавѣской постели Морозова. Думали, что тамъ просто, какъ всѣ, умираетъ человѣкъ: въ безсиліи, въ страданіи. А, между тѣмъ, въ воскресшей душѣ Морозова уже развѣвалось побѣдное, торжествующее знамя... Онъ уже не только чувствовалъ, онъ вскорѣ же сталъ точно и опредѣленно знать, что «всякій, вѣрующій въ Бога, не умретъ». И никто въ мірѣ, — приди хоть Самъ Богъ, — не могъ разу-вѣрить его въ этомъ.

Онъ осторожно навелъ Сычугова на мысль о безсмертіи. Не хотѣлъ сказать прямо о своей радости. Не пойметъ, — здоровый, вѣдь!

Такъ и случилось. Сычуговъ не понялъ его, отыскалъ текстъ въ писаніи и объяснилъ его Морозову такъ:

— Здѣсь говорится о безсмертіи за гробомъ, о царствѣ небесномъ...

Морозовъ презрительно улыбнулся. Онъ зналъ это объясненіе. Такъ объясняютъ всѣ, надъ кѣмъ еще не занесена рука смерти. У нихъ вездѣ духовные, переносные смыслы и аллегоріи. У нихъ все «просто и ясно». Истину человѣкъ можетъ познать только въ предсмертномъ страданіи. А они здоровые и потому лѣнивые мыслью и сердцемъ. Какъ придетъ къ нимъ эта истина, когда ихъ внѣшняя оболочка толще ихъ души?..

— Нѣтъ, не такъ, — увѣренно сказалъ Морозовъ.

— Какъ же? — удивился Сычуговъ.

«Сказать или нѣтъ? — раздумывалъ Морозовъ. — Можетъ-быть, не пришло еще время возвѣститъ истину народамъ?»

И Морозовъ вмѣсто отвѣта презрительно улыбнулся. И съ этой улыбкой ушелъ отъ Сычугова. И когда шелъ, думалъ, что никто въ мірѣ не объяснитъ ему этотъ загадочный для всѣхъ текстъ, кромѣ его самого, ибо ни у кого нѣтъ настолько стертой границы между жизнью и смертью.